

Исследуются возможности применения эффекта path dependence к России. На основе гипотез ученых определяются условия развития российской идентичности, связанные с неприятием основных ценностей права и идей конституционализма. Проявление эффекта path dependence раскрывается в том числе на примере событий 1991–1993 гг. и последующем влиянии на институциональный дизайн Конституции РФ, что привело к торможению модернизации государства и общества. Теория path dependence раскрывается в рамках изучения аналогии событий в новой и новейшей истории России. Делается вывод о неудачной попытке для России, как и сто с лишним лет назад, выйти из колеи догоняющего развития.

Ключевые слова: потестарный тип государства; концепция path dependence; антимодернизационная колея; бифуркация; принцип «бабочка Брэдли»; культурный слой; модернизация.

Михаил Александрович Краснов, д-р юрид. наук,
ординарный профессор, зав. кафедрой «Конституционное
и административное право», НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва;
mkrasnov@hse.ru

НЕКОТОРЫЕ ГИПОТЕЗЫ О ПРИЧИНАХ ВОЗВРАЩЕНИЯ РОССИИ К ПОТЕСТАРНОМУ ТИПУ ГОСУДАРСТВА

Люди давно думают над тем, чем и в какой степени детерминировано настоящее. Частный случай такой предполагаемой детерминации – события прошлого. В XX веке в институциональной экономике появилась концепция (теория) *path dependence*, для разработки которой дала толчок статья П. Дэвида, посвященная совершенно частному вопросу – «формированию стандарта клавиатур печатающих устройств (QWERTY-клавиатура)» [10]. На русский язык эта концепция переводится как «зависимость от предшествующей траектории».

В чем же смысл этой концепции, если и без того мыслители давно понимали, что «кроме настоящего как в жизни отдельного лица, так и в жизни народа огромное влияние имеет их прошлое» [4, с. 73]. Смысл, по мнению П. Дэвида, в том, что «зависимость от предшествующего развития – это такая *последовательность* экономических изменений, при которой важное влияние на возможный результат *могут оказать отдаленные события прошлого*, причем скорее *случайные* события, чем систематические закономерности». Р. М. Нуреев, разъясняя это определение, утверждает, что, по теории path dependence, «*возможности развития жестко детерминированы выбором, сделанным значительно раньше*», в том числе «неэффективным выбором». При бифуркации, – пишет он, – «судь-

боносными могут оказаться даже совсем *мелкие субъективные обстоятельства* – по принципу “бабочки Брэдли”» [10]. Проще говоря, когда для данного общества (или даже человечества) открывается «окно возможностей», совершенно неизвестно, *какое «мелкое обстоятельство»* повлияет на выбор.

Что касается технических (технологических) явлений, наверное, жесткая обусловленность предшествующим выбором существует – в том смысле, что даже если выясняется первоначальная ошибочность выбора, он, как правило, сохраняется *из-за слишком большого масштаба связанных с этим издержек*. Но вправе ли мы переносить такой эффект на социальную жизнь?

А. А. Аузан именует данную концепцию «колесей» [1, с. 54], имея в виду, что стране приходится выпрыгнуть из нее, а это требуется некий набор довольно радикальных средств. И, на мой взгляд, он очень точно высказал общую причину, почему изменение формальных институтов не приводит к модернизации. «Формальные правила, – пишет он, – меняются всегда дискретно, а неформальные – всегда инкрементно, всегда «плывут». При резком изменении формальных правил конституционного уровня (как стыдливо называют революцию) происходит значительный *разрыв формальных и неформальных правил*, образуются определенные зоны напряжения, связанные не только с возможностью создания новых форм, но и с необустроенностью, криминальностью и т.д. В результате накапливается *потенциал для движения в обратном направлении*, то есть реструктуризации правил в обратном отношении. После завершения революции закономерно наступает реакция» [1, с. 58].

Это весьма напоминает идею Ф. Лассаля о том, что «юридическая» конституция попросту рухнет или станет мнимой, если не будет соответствовать «фактической (действительной)» [9, с. 54]. В принципиальном плане, надо сказать, эта идея верная. Но ведь и вечный двигатель теоретически возможен. Только при *conditio sine qua non* – отсутствии силы трения. Так что в абстракции можно, конечно, допустить, что ментальная инерция плюс охранявшаяся социальная структура сломит новые институты... Если не учитывать, что институт институту – рознь (а именно это почти не учитывается в институционально-экономической, социологической, политологической литературе).

Даже не используя теорию *path dependence*, многие отечественные исследователи фактически исходят из нее, считая, что, например, ценности права отторгаются Россией в силу их неорганичности для нее. Такая позиция естественна для тех, кто исповедует этатистское мировоззрение, кому чужды ценности конституционализма (например, неоевразийцы) [6]. Но ведь и в либеральном лагере нередко можно встретить мнение, что России органически чужды ценности свободы, права, личной автономии. Так, В. А. Четвернин утверждает, что «в посттоталитарной России, несмотря на известный прогресс свободы, конституционные правовые институты никак не приживаются, так как они *противоречат российской традиции*» [14, с. 58]. К ним примыкают и ученые, с умеренным оптимизмом смотрящие на судьбу России. Например, Ю. С. Пивоваров пишет, что «всем известные периоды и *тенденции либерально-эмансипационного ха-*

рактера не являются *девиантностью*, а, напротив, имеют глубокие основания и весьма успешно проявлялись в нашем прошлом» [11, с. 89]. Но тогда почему Россия (в лице ведущего слоя – в терминологии И. А. Ильина) время от времени пытается *выпрыгнуть* из антимодернизационной «колеи», но ей удается только *подпрыгнуть*, т.е. изменить действительность, но *не до такой степени*, чтобы кардинально поменять траекторию развития? Значит, что-то удерживает страну?

Эффект *path dependence*, безусловно, оказывает свое влияние (например, закрепленный в Конституции РФ институциональный дизайн обязан, в общем-то, *случайному* развитию событий в 1991 – 1993 гг. [8]. Мы вполне могли бы иметь гораздо более сбалансированную систему власти, обеспечивающую реальную политическую конкуренцию). Но только этим эффектом невозможно объяснить срывы модернизации, хотя правильнее говорить не о срывах, а о торможениях. На мой взгляд, есть два объяснения таких торможений, отставаний.

Первое – из области *мистического*. В работах по альтернативной истории можно увидеть, что на всем протяжении русской истории происходят случайности, которые резко меняют наметившееся модернизационное направление. И эти случайности «почему-то» всегда действуют в пользу антимодернизации. Может быть, действительно, *Господь не желает модернизированной России, от чего-то уберегая ее?* А, может, просто *наказывая?* Рассуждать в этой плоскости бессмысленно, ибо нам не ведома Божья воля, мы не знаем Божьего промысла. И ни одну из этих точек зрения невозможно ни доказать, ни опровергнуть.

Второе объяснение – *рациональное*. С этой позиции причина, на мой взгляд, кроется в *качестве политической и интеллектуальной элит и отсутствии коммуникации между ними и обществом* (впрочем, второе является следствием первого). Это не означает, что не играют роль иные факторы. Например: длительная (до Петра I) закрытость от Европы, а, значит, отделенность от циркулировавших в европейском дискурсе гуманитарных идей; позднее создание университетов; преобладание крестьянского населения и сельского дворянства в социальной структуре страны. Вполне вероятно, эти факторы повлияли и на само качество элит. Как бы то ни было, одно из главных их свойств – пренебрежительное отношение к «черни», к тем, кто стоит ниже на социальной лестнице и чья роль сводится лишь к благодарности за «благодеяния». А люди всегда чувствуют такое к себе отношение, с каким бы пафосом ни заявлялось о «любви к народу», «народном благе», «народо-богоносце» и проч.

Говоря о русской интеллигенции, возникшей в результате Великих реформ XIX в., замечательный русский философ В. С. Соловьев писал, что, происходя, в основном, из разорившегося дворянства, «*в своем отчуждении от народа она никак не может служить посредствующим звеном между царем и землею*» [12, с. 186]. Об отрыве «культурного слоя» от «народа» писал и Н. И. Бердяев [2, с. 35–36]. Б. А. Кистяковский же с горечью писал: «Если иметь в виду это *всестороннее дисциплинирующее значение права* и отдать себе отчет в том, какую роль оно сыграло в духовном развитии русской интеллигенции, то получатся результаты крайне неутешительные. Русская интеллигенция состоит из людей, которые ни

индивидуально, ни социально не дисциплинированы. И это находится в связи с тем, что *русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности*; из всех культурных ценностей право находилось у нее в наибольшем загоне. При таких условиях у нашей интеллигенции не могло создаться и прочного правосознания, напротив, последнее стоит на крайне низком уровне развития» [7, с. 578].

Тем не менее, время от времени в России начинались модернизации. И тогда что-то начинало меняться и в общественном сознании. Здесь уместно вновь обратиться к В. С. Соловьеву. В его «Оправдании добра», среди прочего, есть попытка понять, как новые нравственные стандарты проникают в общественный организм. Некоторые, говорил он, считают, что общество нравственно улучшается вследствие «личных нравственных успехов: каков человек, таково и общество, стоит только каждому понять и раскрыть свою истинную сущность, возбудить в душе своей добрые чувства – и на земле водворится рай». Однако думать так, значит «переходить в ту область, где младенцы рождаются из розовых кустов». Конечно, важны нравственные усилия отдельного лица, но «возможно ли одними этими единичными усилиями достигнуть того, чтобы *другие* (здесь в цитатах курсив В. С. Соловьева. – М. К.) люди, никаких нравственных усилий не делающие, *начали их делать?*» [13, с. 249–250]. Приводя сцены жестокостей из гомеровской «Одиссеи», он спрашивает, «почему добродетельные, мудрые и *чувствительные* люди гомерической эпохи считали позволительным и похвальным вешать легкомысленных служанок, как дроздов, и крошить недостойных слуг на корм собакам, тогда как ныне такие проступки могут совершаться только маниаками или прирожденными преступниками?» [13, с. 255–256].

Но главное, почему *и с приходом христианства*, когда изменился нравственный идеал, жестокость не уменьшилась? «Нужно ли снова вспоминать представителей средневекового христианства, которые со спокойной совестью и даже сознанием своей нравственной обязанности и заслуги относились к предполагаемым врагам своей церкви с еще большей жестокостью, чем Одиссей к врагам своей семьи, а в более просвещенное время разве американские плантаторы, принадлежа к христианскому вероисповеданию, тем самым не стояли под знаменем безусловно высокого нравственного идеала? И однако они не только на деле относились к своим черным невольникам вообще не лучше, чем язычник Одиссей к своим неверным слугам, но и считали себя в этом (подобно ему же) *правыми*; следовательно, не только их дела, но и их жизненное сознание оставалось не затронутым той высшею правдою, которую они отвлеченно-теоретически признавали» [13, с. 255–256]. Или вот, Россия. Соловьев приводит пример из очерков истории Тамбовского края И. И. Дубасова, где рассказывается о следствии по делу помещика (1840-е гг.), в имении которого «не было ни одного не избитого крестьянина и ни одной крепостной девушки непоруганной». Но при этом, подчеркивает В. С. Соловьев, большинство соседей-дворян отзывались об этом помещике как об «истинном христианине». Да и следствие было прекращено [13, с. 256]. Тогда что произошло, спрашивает автор, коль скоро всего «*в три последние десятилетия*» изменилось отношение общества к жестокостям и к самому рабству? И Соловьев

высказывает следующую мысль: «При весьма различных исторических условиях и в Америке, и в России организованное общественное целое, обладающее властью, решило положить конец *слишком грубому нарушению христианской – Божьей и человеческой – правды в общественном строе*. В Америке это было достигнуто ценою крови, страшно междоусобною войною, у нас – властным правительственным действием» [13, с. 257].

Не думаю, что А. Линкольн и Александр II (Освободитель) руководствовались только моральными мотивами. В противном случае пришлось бы признать, что византийские императоры, начиная с Константина Великого были лишены чувства христианской нравственности. Просто к середине XIX века в евроатлантической цивилизации идея человеческого достоинства, коренящаяся в христианском мировоззрении, успела глубоко проникнуть в общественное сознание образованного класса. Неслучайно, В. С. Соловьев говорит не только о Божьей, но и о «человеческой правде в общественном строе». В дальнейшем он подтверждает мысль о зависимости восприятия определенных идей только на соответствующем витке общественного развития: «Внутренний переворот, происшедший в человечестве из взаимодействия палестинских событий с греко-римскими теориями, должен был, казалось, положить начало совершенно новому порядку вещей. *Ожидалось даже полное обновление физического мира – вместо того и социально-нравственный мир язычества остается доселе без коренных и окончательных изменений*. Мы не будем по этому поводу удивляться и сетовать, если представим себе задачу нравственного перерождения человечества во всем ее объеме. Что разрешение этой задачи прежде окончательной катастрофы должно подготавливаться постепенным процессом – это ясно, по существу дела, и предуказано в самом Евангелии. Процесс такого подготавливания не совершился, но совершается, и *несомненно, что с XV и особенно с конца XVIII века ход истории представляет заметное прогрессивное ускорение*» [13, с. 272–273].

Другое дело, что будь на месте американского президента и русского императора другие люди, они, «ради стабильности», могли бы и не решиться на принятие радикальных решений. Это – к вопросу о том, почему и как «открываются окна возможностей». Разумеется, объективные процессы (хотя и их логика, как правило, зависит от определенных идей) подготавливают условия для точек бифуркации (или даже полифуркации). Но «открывают окна» люди: либо стоящие во главе государства, либо те, кто отстраняет их от власти насильственным путем. В этой связи приведу слова известного историка права Гарольда Бермана: «*Если бы царское правительство (в России – М. К.) ввело эффективную конституционную монархию и перераспределило землю; если бы Бурбоны отделили церковь от государства, отменили пережитки феодализма и разрешили создание демократических институтов; если бы король Георг III даровал американским колонистам все права своих английских подданных и в дополнение разрешил им ввести демократические учреждения; если бы первые Стюарты приняли верховенство парламента; если бы каноническое право в XV в. поддалось примирительству и другим обстоятельствам, толкавшим его к реформе; если бы императоры и короли в XI в. вовремя отказались от своего главенства над церковью, – словом, если бы все они могли предви-*

деть неизбежное и произвести необходимые фундаментальные изменения в рамках существующего правового порядка, тогда, наверно, революций можно было бы избежать» [3, с. 37].

Да, трагедии насильственных революций случаются там и тогда, где и когда власть боится начинать реформы, поскольку это не сулит продолжения комфортного правления. Так что личности, руководившие США и Россией в 1860-х гг., по праву вошли в историю как великие национальные лидеры, не только понимавшие неэффективность института рабства для развития страны, его несовместимость с понятием «современное государство», но и решившиеся ликвидировать этот институт, сознавая, что столкнутся с непониманием и сопротивлением. Историки, правда, отмечают, что Александр II «стал реформатором не в силу своих воззрений, а как военный человек, осознавший уроки жестокого поражения, и как самодержец, превыше всего ставивший престиж и величие возглавляемой им империи. Определенную роль сыграли и свойства его характера – доброта, сердечность, восприимчивость к “гуманным идеям” – привитые ему всей системой воспитания В. А. Жуковского (приглашенного Николаем в наставники к цесаревичу). По словам Л. Г. Захаровой, тонкого знатока эпохи Великих реформ, – “не будучи реформатором по призванию, по темпераменту, Александр стал им в ответ на потребности времени как человек трезвого ума и доброй воли”» [5, с. 325].

Из всего сказанного можно сделать следующие *выводы*. *Во-первых*, новые идеи, которые способны изменить характер публичной жизни, проникают не во все страны. И еще меньше мест, где они воспринимаются образованным классом. Для этого, видимо, в обществе должно доминировать уже определенное миропонимание. *Во-вторых*, там, где новые идеи приживаются, «материальной силой» они становятся (институализируются) нескоро. Для этого нужно, чтобы социальные стереотипы предшествующей эпохи начали считаться предрассудками, а их носители постепенно воспринимались бы как реликты, с которыми стыдно иметь дело. Другой вариант: если страна имеет не модернизированные институты, но принадлежит в целом к той же культуре, что и страны, пережившие модернизацию, новые идеи гораздо быстрее могут стать основой для модернизации. *В-третьих*, институализация новых идей (точнее, их проявлений) происходит путем реформ, начинаемых властью, или революций, которые, впрочем, можно назвать тоже реформами, но которым предшествует нелегальное (с точки зрения старых правил) завоевание власти. Реформы есть изменение формальных правил. *В-четвертых*, если реформы (неважно, начатые правящим классом или «революционерами») затрагивают самые основания укоренившегося общественного строя, то успех таких реформ зависит: а) от решимости и последовательности их инициаторов (кураторов, активных участников); б) моральных ограничений, налагаемых на себя инициаторами (кураторами, активными участниками); в) понимания обществом жизненной необходимости, смысла, целей и индикаторов реформ и отсюда – готовности временно пожертвовать комфортом, дореформенным уровнем материального благополучия и т.п. *В-пятых*, изменение формальных правил способно довольно быстро изменить взгляды, доминирующие в обществе, однако, не настолько, чтобы «за три десятиле-

тия» коренным образом поменять общественное сознание. В конце концов, мы знаем, что в некоторых штатах США даже официальная дискриминация чернокожих сохранялась до середины 1960-х гг., а в России до сих пор еще не прижилась ценность свободной личности.

Как видим, здесь эффект path dependence в его обычном понимании не проявляется. Да, «окно возможностей» открывается, но и без знания о существовании такого эффекта любой разумный человек понимает, что возможности выбора не могут не иметь границ – экономических, социальных, ментальных. Однако, если мы воспримем этот эффект в постановке А. А. Аузана, его смысл становится понятен. И тогда мы вправе задать вопрос: не этот ли эффект оказался причиной того, что в России, например, через двадцать лет после Великих реформ (1861 – 1881 гг.) и после восьми лет ельцинских реформ (1992 – 2000 гг.) воцарялся противоположный по духу режим («реакция»), в целом поддержанный большинством населения, т.е. Россия возвращалась на прежнюю траекторию?

На мой взгляд, ответ должен быть утвердительным. Но с некоторыми оговорками.

Во-первых, хотя стране не удавалось закрепить новую парадигму развития, пореформенная *Россия все же уже не была похожа на дореформенную*. Новые правители, конечно, «подмораживали» ее, но не разворачивали вспять. Единственный случай полной смены парадигмы – это *большевистская революция* (желая противопоставить советскому пафосу свое отрицательное отношение к ней, многие говорят: «октябрьский переворот»). Но хотя началось все с переворота, дальше осуществлялась именно революция). Однако большевикам даже с помощью тотальных репрессий не удалось реализовать свой замысел – фундаментальной переделки человеческого сознания. Оттого не смогла воплотиться в жизнь и затем рухнула концепция «полугосударства», т.е. общества, постепенно избавляющегося от регулирования и идущего к саморегулированию – «общественному коммунистическому самоуправлению». Тем не менее, многолетний период большевистского правления создал свою «колею», из которой попыталась выпрыгнуть уже постсоветская Россия.

Во-вторых, как уже говорилось, институт институту – рознь. Разные институты (разные сферы) по-разному изменяют общественные отношения и, главное, по-разному воспринимаются общественным сознанием. Конечно же, чрезвычайно важны были судебная, военная, земская, городская, полицейская, финансовая реформы Александра II, реформы народного просвещения и цензуры, хотя и их степень радикальности, объем, временной эффект были весьма разными. Но все-таки центральной реформой была именно крестьянская. Казалось бы, «технически» это была самая легкая реформа, поскольку нужно было только ликвидировать институт крепостной зависимости. На самом деле она включала в себя два «экзистенциальных» вопроса – о воле и земле. И вот второй как раз был решен не в пользу крестьян в крестьянской, по существу, стране.

Path dependence проявился здесь, прежде всего, в том, что «выйдя из-под власти помещика, крестьянин оказывался в зависимости от “мира”, т.е. общины, которая оставалась собственником надельных земель. Крестьяне не могли отказаться от надела. Для каждой губернии были уста-

новлены его высшая и низшая нормы. После грубой корректировки предложений Редакционных комиссий в Главном комитете они были понижены, и в целом по России крестьянство потеряло около 20 % той земли, которой пользовалось до реформы. Общине все равно приходилось арендовать землю у помещика, расплачиваясь обработкой уже его земель. Эта так называемая “отрабочная” система ставила освобожденных крестьян в жесткую экономическую зависимость от своих вчерашних хозяев» [5, с. 335]. Поэтому «объявленная воля была встречена большинством крестьян с недоумением. Документы полны свидетельств о том, что мужики говорили “да какая же это воля?”, “так еще через два года!”, “да господа-то в два-то года-то все животы наши вымотают”» [5, с. 337].

Эффект path dependence может сказываться и в решениях, действиях тех, кто начинает и проводит модернизацию. Другими словами, здесь как раз и всплывает недостаточное качество элит, в том числе и личности, олицетворяющей реформы. Русское образованное общество в 1860 – 1970-х гг. было уже готово к началам парламентаризма и постепенному переходу к ограниченной монархии. Однако Великие реформы не успели затронуть основы политической системы. И это в большой степени породило «социалистический» (народовольческий и др.) экстремизм и терроризм, который, в свою очередь, оказывал влияние на власть, подталкивая ее (и в конце концов подтолкнул-таки) к «подмораживанию».

Известно, что записка (доклад) М. Т. Лорис-Меликова, которого иногда считают «диктатором при монархе», предусматривала нечто, напоминающее парламента, с чем Император согласился, и на 4 марта 1881 г. было назначено заседание Совета министров, на котором предполагалось утвердить идею о допуске выборных в Государственный совет. Однако 1 марта Александр II был убит террористом. И это («случайное событие» как элемент path dependence) определило дальнейшее развитие событий (хотя были и другие случайности: в частности, чей-то разговор в апреле 1881 г. с Александром III, после которого новый Император резко сменил поначалу свою лояльную позицию относительно народного представительства).

Похожий эффект path dependence мы видим и в новейшей истории России. Правда, на месте царя-освободителя тут уже были (последовательно) два лица: М. С. Горбачев, открывший «окно возможностей», и Б. Н. Ельцин, определивший выбор пути. Как и сто с лишним лет назад, у России появился шанс «выпрыгнуть из колеи» догоняющего развития. Как и тогда, эта попытка не удалась. Но общая тенденция свидетельствует в пользу того, что новая попытка неизбежно будет предпринята.

Список литературы

1. Аузан А. А. «Колея» российской модернизации // *Общественные науки и современность*. 2007. № 6. С. 54 – 60.
2. Бердяев Н. А. *Философия неравенства*. М.: ИМА Пресс, 1990. 288 с.
3. Берман Г. Дж. *Западная традиция права: эпоха формирования*: пер. с англ. 2-е изд. М.: ИНФРА-М НОРМА, 1998. 624 с.
4. Булгаков С. Н. *Избранное* / Сост., автор вступ. ст. О.К. Иванцова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 384 с.

5. **Карацуба И. В., Курукин И. В., Соколов Н. П.** Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от рюриковичей до олигархов. М.: КоЛибри, 2005. 638 с.

6. **Карпец В. И.** Реформы и право в России: история и современность // Реформы и право / отв. ред. Ю.А.Тихомиров. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006. С. 58 – 76.

7. **Кистяковский Б. А.** Избранное: в 2-х ч. / Сост., автор вступ. ст. и коммент. А. Н. Медушевский. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. Ч. 1. 665 с.

8. **Краснов М. А.** Рождение российской Конституции: по сценарию Лассаля? // Общественные науки и современность. 2014. № 4. С. 33 – 45.

9. **Лассаль Ф.** О сущности конституции (Речь, произнесенная в одном берлинском окружном собрании, в 1862 г.) // Сочинения Фердинанда Лассаля. СПб: Издание Н. Глаголева. Т. 2. 1905.

10. **Нуреев Р. М.** Институциональная среда российского бизнеса – эффект колеи [Электронный ресурс]. URL:<http://rustem-nureev.ru/> (дата обращения: 30.03.2017).

11. **Пивоваров Ю. С.** «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе»? // Труды по россиеведению: сб. науч. тр. / под ред. И. И. Глебова. М.: РАН. ИНИОН. Центр россиеведения. 2014. № 5. С. 47 – 101.

12. **Соловьев В. С.** Еврейство и христианский вопрос // Соловьев В. С. Избранное / Сост., автор вступ. ст. и коммент. С. Б. Родинский. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 185 – 190.

13. **Соловьев В. С.** Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В. С. Избранное. 313 с.

14. **Четвернин В. А.** Исторический прогресс права и типы цивилизаций // Ежегодник либертарно-юридической теории. 2009. № 2. С. 57 – 72.

References

1. **Auzan A.A.** [«Track» of the Russian modernization], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2007, no. 6, pp. 54-60. (In Russ., abstract in Eng.)

2. **Berdyayev N.A.** *Filosofiya neravenstva* [Philosophy of inequality], Moscow: IMA Press, 1990, 288 p. (In Russ.)

3. **Berman G.Dzh.** *Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya* [Western tradition of law: the era of formation], Moscow: INFRA-M NORMA, 1998, 624 p. (In Russ.)

4. **Bulgakov S.N.** *Izbrannoe* [My Favorites], Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2010, 384 p. (In Russ.)

5. **Karatsuba I.V., Kurukin I.V., Sokolov N.P.** *Vybiraya svoyu istoriyu. «Razvilki» na puti Rossii: ot ryurikovichei do oligarkhov* [Choosing your story. "Razvilki" on the way of Russia: from rurikovich to oligarchs], Moscow: KoLibri, 2005, 638 p. (In Russ.)

6. **Karpets V.I.** [Reforms and Law in Russia: History and Modernity], *Reformy i pravo* [Reforms and law], M.: Izd. dom GU-VShE, 2006, pp. 58-76. (In Russ.)

7. **Kistyakovskii B.A.** *Izbrannoe* [My Favorites], Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), part 1 of 2, 2010, 665 p. (In Russ.)

8. **Krasnov M.A.** [The birth of the Russian Constitution: according to Lassalle's script?], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2014, no. 4, pp. 33-45. (In Russ.)

9. **Lassal' F.** On the essence of the constitution (Speech uttered in one Berlin district assembly, in 1862), *Sochineniya Ferdinanda Lassalya* [Works by Ferdinand Lassalle], Saint Petersburg: Izdanie N. Glagoleva, vol 2, 1905. (In Russ.)

10. <http://rustem-nureev.ru/>

11. **Pivovarov Yu.S., Glebova I.I.** [Ed.] [«What, dear, do we have a millennium in the yard?»], *Trudy po rossievedeniyu: sbornik nauchnykh trudov* [Proceedings of Russian Studies: a Collection of Scientific Papers], Moscow: RAN. INION. Tsentr rossievedeniya, 2014, no. 5, pp.47-101. (In Russ.)

12. **Solov'ev V.S.** [Jewry and the Christian Question], *Izbrannoe* [Favorites] Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2010, pp. 185-190. (In Russ.)

13. **Solov'ev V. S.** [Justification of the good. Moral Philosophy], *Izbrannoe* [Favorites], 313 p. (In Russ.)

14. **Chetvernin V.A.** [Historical progress of law and types of civilizations], *Ezhegodnik libertarno-yuridicheskoi teorii* [Yearbook of Libertarian-Legal Theory], no. 2, 2009, pp. 57-72. (In Russ., abstract in Eng.)

SOME HYPOTHESES ABOUT THE REASONS FOR RUSSIA'S RETURN TO POTESTARIAN TYPE OF STATE

M. A. Krasnov, *Doctor of Law, Full Professor, Head of Department of Constitutional and Administrative Law, National Research University "Higher school of Economics", Moscow; mkrasnov@hse.ru*

The possibilities of applying the “path dependence” concept to Russia are explored. Based on the scientists’ hypotheses, conditions for the development of Russian identity related to the rejection of the basic values of law and the ideas of constitutionalism are determined. The manifestation of the effect of path dependence is disclosed, among other things, using the example of the events of 1991-1993, and their subsequent influence on the institutional design of the RF Constitution, which led to the inhibition of modernization of the state and society. The theory of path dependence is disclosed through the study of the analogy of events in the new and modern history of Russia. It is concluded that Russia has made an unsuccessful attempt to leave the track of catching-up development, as it did a hundred years ago.

Keywords: potestarian type of state; concept of path dependence; anti-modernization track, bifurcation, principle of Bradbury's butterfly; cultural layer; modernization.

© М. А. Краснов, 2017

Статья поступила в редакцию 08.10.2017